

УДК 316.7

DOI: 10.17223/22220836/39/12

Н.Г. Федотова

ПРАКТИКИ ГОРОДСКОЙ КОММЕМОРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ ГОРОДА¹

Одним из символических ресурсов автор предлагает рассматривать культурную память города, формирование которой напрямую зависит от практик коммеморации. В статье акцентируется внимание на повышении значимости практик городской коммеморации, которые являются ключевым инструментом формирования культурной памяти города. Автор, руководствуясь культурологическим подходом, не только проводит анализ и первичную типологию практик городской коммеморации, но и выявляет условия для грамотного управления процессом актуализации культурной памяти города.

Ключевые слова: культурная память города, коммеморация, формирование культурной памяти, коммеморативные практики.

В современном академическом дискурсе наблюдается устойчивый интерес к категории культурной памяти и, соответственно, к коммеморативным практикам, которые влияют на ее содержание. Одной из причин для повышенного научного интереса к данной проблематике становится тот факт, что культурная память является важнейшим детерминантом социальной реальности, она оказывает влияние не только на процессы структурирования коллективной идентичности, но и на образы территории как во внутренней, так и внешней среде.

Концепт «культурная память» появился в гуманитарных исследованиях благодаря работам Яна Ассмана, который на материале древних культур показал ее ключевые характеристики. Он обосновал эвристичность концепта «культурная память», инициировав тем самым мощный всплеск научных изысканий в данном направлении, в частности, посвященных различным практикам генерирования коллективных воспоминаний и особенностям их репрезентации в многогранном пространстве культуры.

Как полагает Я. Ассман, культурная память – это не просто память коллектива, она отличается тем, что имеет символический характер, т.е. «может осуществляться лишь искусственно, в рамках институций» [1. С. 23], передающих и актуализирующих культурные смыслы. По его словам, памятники, храмы, идолы позволяют идентифицировать сообщество, а также аккумулировать и строить знание о себе.

Современные исследователи в своих работах опираются и на более широкое понимание культурной памяти, например, как на результат взаимодействия прошлого и настоящего в социально-культурном контексте [2. Р. 2]. Тем не менее культурный и социальный контексты предполагают наличие определенного сообщества, способного воспроизводить общие воспоминания.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и правительства Новгородской области в рамках научного проекта № 18-411-530001 «Культурная память города в современных коммуникативных практиках».

Иными словами, культурная память образуется по отношению к любому коллективу людей (не ограниченному категориями нации или этноса), обладающему своей историей и культурой, а также общими воспоминаниями, которые хранятся и воспроизводятся в определенных практиках. Основываясь на этом, мы вводим в научный дискурс концепт «культурная память города». И, следуя закономерностям культурологического подхода к исследованию коллективной памяти, который заложил Я. Ассман, полагаем, что культурная память города представляет собой сложное пространство хранения, трансляции и актуализации культурных смыслов города. Культурные смыслы города – это значимые для горожан элементы городской культуры, а именно символы, образы, мифы, факты, события, знаковые места, являющиеся единицами хранения и одновременно репрезентации культурной памяти. Характерные свойства культурной памяти города объясняются особенностями функционирования культурной памяти как таковой в целом, которая, однако, приобретает специфический характер в условиях городской культуры. При этом наиболее «острые» моменты дискурса культурной памяти нации, характерные скорее для немецкой научной школы, связанные с вариантами интерпретации сложного прошлого страны и оправдания этого прошлого, в рамках проблематики города становятся менее значимыми. На смену этим векторам дискурса формируются другие, связанные, в частности, с исследованиями механизма взаимодействия культурной памяти и структурирования городской реальности.

Два слоя культурной памяти города

Культурная память города, как и культурная память любого другого коллектива, обладает существенным свойством – динамичностью и способностью меняться (целенаправленно или стихийно) в зависимости от доминирования тех или иных факторов. По мнению А. Ассман, «рамки памяти изменчивы, как изменчивы и ценностные установки» [3. С. 99]. Особенно применим данный тезис к культурной памяти, являющейся символической проекцией тех ценностей, которые декларируются и разделяются коллективом. Любой фрагмент коллективного прошлого (от события до элементов текста), в том числе и городского прошлого, можно либо отдать забвению, либо сделать значимым для сообщества.

Данный тезис объясним, если понимать культурную память города исходя из особенностей конфигурации и соотношений двух ее слоев. Как справедливо полагает А. Ассман, память представляет собой противоречивую структуру, «в которой сочетаются, взаимно проникая друг в друга, припоминание и забвение» [4. С. 33] как функциональная и накопительная память. Иными словами, культурная память города состоит из двух глобальных слоев, подвижность которых и обеспечивает возможность постоянного обновления репертуара культурных смыслов города как фрагментов коллективных воспоминаний. В качестве таких слоев выступают:

а) актуальный слой культурной памяти города, который «памятуется», регулярно поддерживается в практиках (праздники или названия улиц);

б) потенциальный слой культурной памяти города, который менее активирован в городских практиках и представляет собой незначительные для современников фрагменты прошлого (хранится в архивах, в малоизвестных текстах и пр.).

Исходя из подобного понимания культурной памяти города, мы имеем возможность конструировать настоящее и будущее через культивирование конкретных смыслов города. Согласно Ю. Лотману, «под влиянием новых кодов, которые используются для дешифровки текстов, отложившихся в памяти культуры в давно прошедшие времена, происходит смещение значимых и незначимых элементов структуры текста... смыслы в памяти культуры не „хранятся“, а растут» [5. С. 201]. Свойства роста и смещения культурных смыслов заставляют придать проблеме формирования культурной памяти города особый вес, акцентировать внимание на различных аспектах процесса смыслообразования «сгустков» городской памяти. Культурная память города – сложное образование, символическая матрица которой обладает рядом закономерностей, а ее актуальный слой – результатом ряда поддерживающих память практик.

Символический ресурс культурной памяти города

Важность изучения процесса формирования культурной памяти города подтверждается теми ресурсными возможностями, которые несет в себе символическая природа данного феномена.

Культурная память выступает своеобразным хранилищем значимых смыслов города, представляющих собой символический ресурс места. К символическим ресурсам можно отнести все то, что несет в себе условную значимость и может быть использовано для получения символической прибыли (например, доверие или узнаваемость, а также конвертируемость в туристические, социальные, финансовые и прочие виды ресурсов). Сюда относятся как исторические даты, легенды, известные личности, так и символы города, городской образ и многое другое. Символический ресурс культурной памяти города можно рассмотреть с двух сторон.

Во-первых, культурная память тесно связана с внутренней социокультурной средой города. В частности, культурная память города: а) связывает в единый символический континуум городское сообщество, формирует общность людей, делает его единым целым на основе общих памятных событий; б) обеспечивает преемственность поколений горожан и, передавая культурный опыт города, скрепляет прошлое и настоящее через городскую культуру; в) является символической основой городской идентичности, поскольку содержание идентичности формируется через общее прошлое, благодаря которому укрепляются ценности, самосознание и деятельная активность сообщества [3. С. 32].

Характер и специфика данных процессов напрямую зависят не только от того, насколько аутентичны культурные смыслы города, но также и от того, каким образом они встраиваются в повседневные практики города и что они значат для горожан. В частности, исторические российские города (Владимир, Ярославль, Великий Новгород, Суздаль, Псков и др.) потенциально имеют богатые символические ресурсы, и чем древнее город, тем многослойнее его культурная память. Но сам факт историчности города не гарантирует актуальности тех или иных городских смыслов. Например, символический ресурс исторической личности города станет частью городской идентичности только при условии ее культивирования в городских практиках (музей, фестиваль, книга и др.), передающих символический код уникального фрагмен-

та культурной памяти города. Культурная память города хранит только те воспоминания, которые принимаются и поддерживаются современниками в городских практиках (например, в скульптуре или в названиях улиц, площадей, станции метро и пр.).

Во-вторых, культурная память города представляет собой тот резервуар смыслов, которые можно использовать для формирования привлекательного образа города и создания городских брендов.

Культурная память города является социокультурным конструктом. Город может «черпать» из слоев культурной памяти часть своего аутентичного прошлого, воспроизводить его в символических формах и, соответственно, позиционировать свой образ, в том числе и во внешней среде. Так возникли многие городские бренды. В частности, проведенный нами анализ брендов российских городов показал, что их символическая основа формируется, как правило, из актуализируемых слоев культурной памяти города. В городском брендинге нередко используется значимость творческой личности, персонажа, который в прошлом был связан с городом (бренд Клина, в основу которого положено творчество П.И. Чайковского) или историческое значение аутентичного производства города (вологодское кружево или коломенская пастила как бренды).

Городская коммеморация

Как следует из того, что сказано выше, для формирования репертуара культурной памяти города существенную роль играет процесс актуализации культурных смыслов – коммеморация. По мнению современных исследователей, коммеморация есть «увековечивание памяти о событиях: сооружение памятников, организация музеев, определение знаменательных дат» и пр. [6. С. 82].

Городская коммеморация является тем феноменом, который не дает забвению одержать верх над коллективными воспоминаниями о городе, позволяет сохранять символическую связь с эпизодами городского прошлого. Благодаря городской коммеморации отдельные культурные смыслы города становятся актуальными и приобретают значимость для современников – мы их помним и ценим.

Как показывают исследования, потребность в коммеморации обусловлена символической природой культурной памяти. Специфика культурной памяти проявляется именно в относительности и искусственном структурировании ценностей сообщества. По словам Ю. Лотмана, «каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т.е. хранить), а что подлежит забвению» [5. С. 201].

О важности процесса актуализации структур памяти говорит и П. Нора в своей теории мест памяти – значимых для сообществ мест, аккумулирующих память коллектива, которые являются своеобразным инструментом конструирования коллективной идентичности. По мнению П. Нора, «места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит – нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными» [7. С. 25].

В современных европейских исследованиях присутствует деление культурной памяти на два уровня – биологический, формируемый индивидуаль-

ной памятью людей, и символический, связанный с «символическим порядком, средствами массовой информации, учреждениями и практикой, с помощью которых социальные группы строят общее прошлое» [2. Р. 5]. Данные уровни тесно переплетаются именно в процессе коммеморации, в результате чего в обществе создается та или иная версия городского прошлого.

Коммеморация «располагается в широком смысловом диапазоне – от инструмента поддержания коллективной солидарности и трансляции памяти до конкретно-деятельностных форм воплощения этой памяти» [8. С. 81]. Говоря иначе, культурная память города не возникает сама по себе, она поддерживается искусственно, поскольку не пропадает с исчезновением отдельных горожан или их поколений. Следовательно, важно знать точки концентрации культурной памяти города и способы ее формирования. Именно эту задачу и выполняет городская коммеморация.

Сущность городской коммеморации раскрывается в функционировании определенных практик, которые представляют собой конкретные способы поддержания культурной памяти города. Практики городской коммеморации есть не что иное, как репрезентация прошлого города в современной реальности, они «оживляют» отдельные фрагменты прошлого города тем или иным образом, через те или иные средства, с помощью определенных смысловых форм, кодов, каналов.

Но несмотря на значимость коммеморативных практик для поддержания коллективной памяти, все же имеющиеся исследования в данном направлении следует назвать фрагментарными и рассредоточенными в разных областях науки. Кроме того, комплексных исследований, направленных на интеграцию знаний о коммеморативных практиках и специфики их функционирования в городской среде, пока не проводилось, что отчасти объясняется новизной данной проблематики.

В связи с этим, руководствуясь междисциплинарной позицией культурологического подхода и основываясь на теоретическом анализе исследований механизма поддержания коллективной памяти в виде процесса смыслообразования эпизодов городского прошлого, рассмотрим типовое разнообразие практик городской коммеморации, представляющих собой основные способы формирования культурной памяти города.

Практики городской коммеморации

1. Визуальные и вербальные формы городской коммеморации.

Культурная память города формируется под воздействием различных материальных трансляторов городских значений, которые А. Ассман называет «символическими медиаторами», представляющими собой, в отличие от конкретных людей, «долгосрочную опору» для памяти [4. С. 20]. Подобные медиаторы (носители культурной памяти), как объективированные в городской среде культурные смыслы города, могут различаться с точки зрения семиотики по принципам кодирования символической информации, т.е. быть визуальными или вербальными.

Визуальные формы культурной памяти города объективируют фрагменты городского прошлого через видимые знаки, вербальные – с помощью речи. К естественным визуальным формам относятся, прежде всего, природные объекты, имеющие символическое значение и представляющие собой места

городской памяти, с которыми связаны те или иные события (например, река, вал, гора и пр.), или природный ландшафт города, который включается в целостный образ территории. В качестве искусственных визуальных форм культурной памяти выступают как произведения изобразительного искусства (например, кинематограф или скульптура), так и официальная символика города (например, герб города), в которой фиксируются значимые смыслы города. Вербальные формы культурной памяти, которые передают коллективные воспоминания о городе с помощью речи, могут носить самый разный характер: информационные тексты, мемуары и автобиографии жителей города, стихи, названия городских объектов, городские легенды, мифы, речи, фразы, высказывания и т.д.

В обоих случаях городская коммеморация будет сосредоточена в следующих аспектах:

- актуализация вербальных и визуальных текстов (выставки, форумы, чтения и пр.);
- сохранение уникальных текстов, передающих аутентичность городской среды (например, сохранение природного ландшафта как компонента визуального образа города);
- создание новых вербальных и визуальных носителей памяти (например, название улицы города в честь того или иного памятного события).

2. Эмоциональные и когнитивные практики коммеморации.

Культурная память города формируется в обществе с помощью разных каналов передачи информации, каждый из которых своеобразно воздействует на человека и имеет свою специфику. В зависимости от способа воздействия на сознание человека тех городских текстов, которые способствуют поддержанию культурной памяти, коммеморативные практики могут быть: а) эмоциональной направленности и б) когнитивной направленности.

В первом случае особую актуальность приобретают произведения искусства, которые через реальные образы сюжетные линии «претендуют на правдивое изображение прошлого», поскольку, например, «кинофильмы, мультфильмы и комиксы, повествуя о целых исторических эпохах, оказывают более массовое и действенное воздействие на публику, нежели книги, музейные экспозиции или передвижные выставки» [3. С. 42]

В частности, кинофильм способен через экранизацию фрагментов памяти реалистично передать уникальные сюжеты городского прошлого. Художественные образы произведений искусства эмоционально насыщают коллективную память, своеобразно передавая дух города, характер его жителей, страницы истории, и тем самым фиксируют в сознании современников значимые слои воспоминаний. Поэтому особенность данных практик городской коммеморации заключается в трансляции устойчивых образов, которые прочно укореняются в городской культуре (образы горожан, сражений, подвигов, производства и ремесел, легенд, традиций и т.д.).

Когнитивные же практики коммеморации предполагают осознанный тип актуализации культурных смыслов города. В качестве примеров в данном случае выступают форумы, конференции, чтения, открытые лекции, уроки и пр. Задача подобных коммеморативных практик состоит в поддержании городской памяти через понимание важности этого процесса и осознанное включение в процесс памятования определенных социальных групп (школь-

ники, туристы, творческие люди и пр.). Нередко в данном случае происходит актуализация забытых эпизодов городского прошлого, рефлексия и пересмотр значимости фрагментов памяти, интерпретация смыслов и определенное видение событий, которые накладывают отпечаток на характер и оценочность коллективного воспоминания (например, сепаратизм города может по-разному оцениваться современниками).

3. Институциональные практики городской коммеморации.

Институциональные практики выполняют важную роль в городской коммеморации, обеспечивая сам процесс хранения и трансляции культурных смыслов города, поддержания их в актуальном состоянии. Институциональные структуры позволяют не обрывать индивидуальные воспоминания о городском прошлом и переводить их в формат коллективных.

Основные институциональные практики городской коммеморации сосредоточены, прежде всего, в деятельности музеев, архивов, галерей, выставочных залов, научных организаций, где хранятся и актуализируются культурные смыслы города. Однако в рамках институциональных структур города происходит не только репрезентация городского прошлого, но и целенаправленное создание репертуара культурных смыслов, которые подлежат памятованию. В связи с этим стратегическую роль в городской коммеморации играют политические институты, задающие векторы и содержание культурной памяти, отвечая на вопрос «что помнить» и «зачем помнить». Функцию трансляции культурной памяти города отчасти выполняют институты сферы образования (например, школьные учебники истории содержат определенную информацию о городском прошлом), которая также нуждается в коммеморативном управлении. Наконец, определенную роль в городской коммеморации могут играть бизнес-структуры, которые заинтересованы в поддержании уникального образа города и его продвижении для создания привлекательной инвестиционной среды, условий для развития туризма и т.д.

4. Перформативные практики городской коммеморации.

Среди особых форм репрезентации фрагментов коллективного прошлого следует отметить перформативные практики коммеморации или, говоря иначе, коммеморацию действием [9. С. 86], представляющую собой один из современных способов формирования культурной памяти города. Перформативные практики коммеморации получили свою популярность в наши дни, однако появились они в период зарождения мемориальной культуры поминовения ушедших из жизни предков и связаны с ритуальной стороной осмысления реальности. Ключевой признак перформативных практик в целом состоит, как показал Ж. Деррида [10. С. 349–375] в возможности повторяемости определенного действия, т.е. воспроизводства действия. Действительно, перформативные практики предполагают наличие сценария и возможности бесконечного воспроизводства определенного действия, в нашем случае – действия, связанного с памятным событием.

Важной частью перформативных практик городской коммеморации является наличие двух составляющих данного процесса: а) тех, кто реализует действие, и б) тех, кто представляет аудиторию, постигающую создаваемые в действии культурные смыслы города. В коммеморативных практиках такого характера реализуется ключевая задача перформативности – влияние через действие на реальность. Примерами таких действий могут быть акции

(например, акция «Бессмертный полк»), исторические реконструкции в городе, городские фестивали (например, традиционных ремесел или музыкальные, гастрономические и др.), литературные чтения (например, связанные с памятью известного поэта). В рамках перформативных практик коммеморации происходит актуализация памяти о тех горожанах, которые ушли из жизни, и их достижениях, а также воспроизводство отдельных эпизодов городского прошлого. При этом эффект перформативности выражается в том, что образование или сохранение культурных смыслов города происходит через «обыгрывание» памятной ситуации или памятного образа, которое способствует переживанию данных смыслов, их воплощению в современном городском пространстве. Кроме того, трансляция значений памятного действия предполагает воздействие не только на сознание тех, кто непосредственно включен в процесс действия (в качестве участника или наблюдателя), но и косвенно – на сознание представителей внешней среды. Так, проведение городских фестивалей определенной направленности (экономических, традиционных, кинематографических и пр.) способствует и соответствующему позиционированию города во внешней среде, формирует соответствующие коллективные представления о городе.

5. Символические практики городской коммеморации.

Согласно Я. Ассману, в культурной памяти прошлое не сохраняется как таковое, а скорее гальванизируется (воскрешается) в символах, которые как бы освещают изменяющееся настоящее [11. Р. 19]. Символы как важнейшая форма хранения культурной памяти могут по-разному быть представлены в городской среде. Во-первых, само городское пространство может быть насыщено символами, передающими фрагменты культурной памяти: от посаженного великим писателем дерева до наличия здания, с которым связано памятное событие. В этом случае символическая функция является скорее дополнительной. Во-вторых, городские символы могут обладать прямой функцией значения, т.е. быть специально созданными для того, чтобы передавать символическую информацию о городе, его традициях, истории, культуре, мифах и т.д. В качестве таких символов могут выступать официальные знаки, логотипы города, его герб, флаг, гимн и пр.

Символические практики городской коммеморации в современном мире более чем востребованы, поскольку города находятся в состоянии постоянной борьбы за ограниченные и мобильные ресурсы. Результатом такой борьбы становится символический капитал города как «совокупность значимых элементов (смыслов) территориальной среды, которые обеспечивают локальному месту узнавание, известность, престиж, доверие к нему со стороны различных социальных групп» [12. С. 144]. Одним из способов накопления символического капитала является, например, закрепление за городом определенного официального статуса (родины, места, звания), что и требует от городов активизации поиска воспоминаний о соответствующих событиях, а также коммеморативных практик, поддерживающих данный фрагмент памяти. В связи с этим культурная память ряда городов в последнее время наполнилась новыми аутентичными смыслами, позволяющими городу конкурировать за символический капитал. В частности, российские города актуализировали памятную связь со сказочными персонажами, и как результат, в стране появилась «Сказочная карта России», где определенные города считаются ро-

диной данных персонажей (например, Муром – родина Ильи Муромца, Архангельск – родина Снеговика, а Великий Устюг – родина Деда Мороза).

Мемориальная культура и городская коммеморация

Представленная выше типология практик городской коммеморации, разумеется, носит первичный характер и является попыткой объединить разрозненные исследования в единый континуум, создав тем самым условия для комплексного осмысления механизма формирования культурной памяти города. Следует отметить, что целый ряд культурных смыслов города может быть одновременно частью разных коммеморативных практик (например, архитектурный ансамбль города является частью как визуальных, так и символических практик городской коммеморации).

Между тем среди обозначенных практик городской коммеморации особую роль в процессе поддержания коллективных воспоминаний города играют такие из них, которые непосредственно выполняют мемориальную функцию. Подобные практики обладают ярко выраженным признаком коммеморативности, поскольку они предполагают целенаправленное конструирование памяти и тем самым становятся частью мемориальной культуры.

Сюда следует отнести не только городские памятники (стелы, мемориальные доски и пр.), которые предназначены увековечить значимые события городского прошлого, но и сам процесс создания и сноса памятников, установления памятных дат, памятных мест в городе и т.д. Мемориальная функция таких коммеморативных практик является не просто основной, она представляет собой результат политики культурной памяти города, определяющей репертуар культурных смыслов города, подлежащих памятованию. В связи с этим проблематика мемориальной культуры (а вместе с тем и содержание культурной памяти города) является «составной частью политической культуры демократического общества» [3. С. 7], где большое значение приобретают управляемость динамичного процесса памятования и выработка политики культурной памяти города. При этом, как показывает мемориальная практика Германии, всесторонне раскрытая в работах А. Ассман, существенное воздействие на формирование мемориальной культуры, определяющей направление коммеморативной политики, оказывают не только структуры власти, но и общественность – деятели искусства, ученые, журналисты, представители институтов гражданского общества и пр.

Иными словами, культурная память города, если исходить из обозначенной позиции, формируется в результате определенного воздействия на то, как современникам воспринимать прошлое и что из него помнить. Именно поэтому П. Нора пишет о сконструированности коммеморации, поскольку она имеет дело не столько с прошлым, сколько со следами этого прошлого, предлагая тем самым и термин «ремеморация» как особую стратегию управления прошлым исходя из интересов настоящего. Он пишет, что «память – не воспоминание, но общая экономия и управление прошлым» [13. С. 84].

В связи с этим мемориальная культура становится тем ценностно-политическим вектором, который задает контуры коллективных представлений о городе. Следовательно, городская коммеморация управляема и проектируема, однако важно понимать последствия ее направленности, что вызывает необходимость критической рефлексии актуализируемых культурных

смыслов города. Что касается управляемости коммеморативных практик, то часть из них являются устойчивыми во времени (например, визуальные формы городского пространства), тогда как другие – изменчивыми и поддающимися проектированию (например, символические практики городской коммеморации).

Коммуникация как условие городской коммеморации

Наконец, исходя из заявленного нами определения культурной памяти города, следует, что необходимым условием для любых коммеморативных практик следует назвать коммуникацию, которая обеспечивает сам процесс формирования памяти. Поскольку подвижность культурной памяти города связана с обновлением смыслов, или смыслообразованием, то в данном случае актуальным является мнение известного теоретика коммуникации Н. Лумана о том, что «смысл может актуализироваться исключительно лишь событийным образом» [14. С. 15]. Иными словами, лишь в коммуникативных процессах, продуцирующих событийный формат, происходит трансляция смыслов и их постижение людьми, которые и являются основными носителями культурной памяти.

Согласно Я. Ассману, культурная память присутствует лишь в «постоянном взаимодействии не только с воспоминаниями людей, но и с внешними символами», это «метоним для физического контакта между помнящим разумом и напоминающим объектом» [11. Р. 17]. Памятник, имя, поэма, ритуал сами по себе не станут частью коммеморативных практик, пока не будут включены в процессы взаимодействия. Именно в коммуникации как движении смыслов во времени, пространстве (например, взаимодействие между людьми в рамках события; чтение книги; просмотр массовой аудитории кинофильма; презентация фотовыставки) происходит генерирование и обогащение смыслов, конструируется коллективное воспоминание. Без коммуникации (во встречах, конкурсах, проектах, публикациях) эпизоды прошлого забываются, культурная память обедняется, а ее наполнение подвергается деструктивному воздействию.

Для иллюстрации данного тезиса отметим, что культурная память «освежается», наполняется содержанием в результате коммуникации точно так же, как и индивидуальная память, когда человек не забывает определенные эпизоды прошлого в результате обращения к фотоальбому или беседы о событиях прежних лет. Так, забытый слой городской памяти может в результате коммуникативных процессов (экранизация, форум, фестиваль) приобрести новый смысл и стать частью актуального слоя культурной памяти города. При этом практики городской коммеморации могут быть рассмотрены в рамках активной коммуникации (например, перформативные практики – церемонии и ритуалы) или пассивной коммуникации, связанной с отказом от процесса памятования того или иного события.

Следовательно, практики городской коммеморации есть не что иное, как коммуникативный процесс, во время которого конструируется культурная память города и происходит символическая репрезентация конкретной версии городского прошлого.

Между тем в эпоху информационного общества и в век цифровой культуры особая коммуникативная роль принадлежит медиа как мощному гене-

ратору культурных смыслов, который аккумулирует коммеморативные практики. Медиа, или средства массовой коммуникации, представляют собой ключевой посредник в процессе городской коммеморации, поскольку связывают человека и город, прошлое и настоящее, индивидуальные и коллективные представления. Более того, медиа не просто транслируют поток информации, но оказывают существенное воздействие на оценочность и восприятие передаваемой информации, поскольку оперируют коммуникативными технологиями, влияющими на ценности и культурные нормы в обществе. При этом огромное значение среди медиа в наши дни приобрели, по мнению теоретика современной эпохи М. Кастельса, аудиовизуальные средства массовой информации. Он подчеркивает, что «мы живем в среде СМИ, и из них приходит большинство наших символических стимулов» [15. С. 322]. Становясь частью медийного поля, фрагмент культурной памяти может приобрести определенное (в том числе и дополнительное) значение, стать известным, получить своеобразную оценку и интерпретацию. В связи с этим научный интерес к изучению возможностей медиаиндустрии, в рамках которой происходит создание и распространение культурных смыслов города, объяснимо растет.

Иными словами, практики городской коммеморации непосредственно связаны с медиа, и этот факт является одной из ключевых особенностей современного процесса формирования культурной памяти города. Нужно согласиться с мнением ряда европейских исследователей, которые полагают, что «репрезентация прошлого в СМИ является важным фактором, который определяет – какие эпизоды памяти будут считаться актуальными» [16. Р. 405]. Поэтому в эпоху информатизации следует особое внимание уделять социальной политике памяти и тщательно анализировать процесс выбора исторических сюжетов для их размещения в СМИ, а также способов представления их в медийном пространстве.

В завершение отметим, что значимость коммеморативных практик для общества подтверждается тесной их связью с мемориальной культурой и социальной политикой памяти. Как подчеркивает А. Ассман, перед мемориалами стоит задача сохранения элементов индивидуальной памяти, но архивы с данной задачей не справятся, поэтому нужны «выставочные экспозиции, циклы публичных выступлений, общественные форумы», а также по-новому теперь рассматривается «роль СМИ, литературы и кинематографа» в этом процессе [3. С. 140]. Несмотря на то, что исследовательница относит данный тезис к проблеме формирования культурной памяти нации, все же он не менее актуален и для культурной памяти города.

Таким образом, городская коммеморация выполняет важную роль символического маркирования культурных смыслов города. Подобное маркирование происходит в коммеморативных практиках, способствующих превращению воспоминаний из индивидуальных в коллективные (институциональные практики), актуализирующих фрагменты прошлого через воспроизводство потенциальных или латентных слоев памяти, поддерживающих актуальные слои культурной памяти. Значение практик городской коммеморации особенно рельефно проявляется в рамках проблемы управления процессом интерпретации прошлого, что в целом связано с формированием культурной памяти. Следовательно, с помощью практик городской коммеморации для

местных элит открываются возможности грамотного проектирования культурной памяти города и, соответственно, целенаправленного использования ее символического ресурса. От наполнения смыслового резервуара культурной памяти зависит то, как мы воображаем и представляем город сегодня, поэтому практики актуализации тех или иных эпизодов городского прошлого способны менять настоящее и будущее современного города.

Литература

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Erll A. Cultural Memory Studies: An Introduction // Cultural Memory Studies: an International and Interdisciplinary Handbook. Walter de Gruyter, Berlin, New York, 2008. 442 p.
3. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
5. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи. Таллинн : Александра, 1992. Т. 1. 472 с.
6. Романовская Е.В., Фоменко Н.Л. Идентичность и коммеморация // Власть. 2015. № 7. С. 81–84.
7. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. 328 с.
8. Шуб М.Л. Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательные потенциал // Челябинский гуманитарий. 2016. № 3 (36). С. 80–87.
9. Архипова А., Доронин Д., Кирзюк А., Радченко Д., Соколова А., Титков А., Югай Е. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы // Антропологический форум. 2017. № 33. С. 84–122.
10. Деррида Ж. Подпись. Событие. Контекст // Поля философии. М. : Академический Проект, 2012. 376 с.
11. Assmann J. Communicative and Cultural Memory // Meusburger P., Heffernan M., Wunder E. Cultural Memories. The Geographical Point of View. London, New York, 2011. 383 p.
12. Федотова Н.Г. Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 141–155.
13. Нора П. Эра коммемораций // Франция – память. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. 328 с. С. 64–94.
14. Луман Н. Медиа коммуникации. М. : Логос, 2005. 280 с.
15. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество, культура. М. : ГУВШЭ, 2000. 606 с.
16. Zierold M. Memory and Media Cultures // Cultural Memory Studies: an International and Interdisciplinary Handbook. Walter de Gruyter, Berlin, New York, 2008. P. 399–408.

Natalia G. Fedotova, Novgorod State University Yaroslav-the-Wise (Veliky Novgorod, Russian Federation).

E-mail: fedotova75@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2020, 39, pp. 130–143.

DOI: 10.17223/2220836/39/12

PRACTICES OF URBAN COMMEMORATION: FEATURES OF THE CITY CULTURAL MEMORY FORMATION

Keywords: symbolic capital; territory; symbolic resources; image of the place territorial identity.

From the standpoint of the cultural approach, the cultural memory of the city is a complex space for storing, transmitting and updating the cultural meanings of the city (events, dates, legends, myths, famous personalities, places, etc.). The scientific interest in its research is explained by the fact that the cultural memory of the city is a symbolic resource capable of determining the urban reality, identifying the present and future of the city. The presence of current and potential layers gives the cultural

memory of the city the property of mobility, which makes it necessary to artificial support the city cultural meanings and, on the contrary, opens up the possibility to update their repertoire in the urban space. This function is performed by the practice of urban commemoration as a means of forming the cultural memory of the city. Since the cultural memory of the city is a socio-cultural construct, therefore, the role of urban commemoration increases, which, through the actualization of episodes of the past, determines what to remember and how to perceive cultural meanings.

The identification and analysis of urban commemoration practices can be carried out on the basis of studying the specifics and conditions of broadcasting commemorative information, through an interdisciplinary synthesis of available fragmentary studies. Thus, a variety of urban commemoration practices should be presented using the following typology: a) visual and verbal practices; b) emotional and cognitive practices; c) institutional practices; d) performative practices; e) symbolic practices. Separately, it is necessary to highlight the practices of urban commemoration, which purposefully shape the cultural memory of the city and are directly related to the memorial culture of the city, which sets the contours of the social policy of memory. The general condition of commemorative practices is communication, which provides the process of structuring cultural memory itself. It is in the process of communication that symbolic marking of the cultural meanings of the city is carried out through the transformation of individual memories into collective ones, as well as through the cultivation of the city memory fragments (actual or latent). In the era of the information society, a special communicative role belongs to the media as a powerful generator of cultural meanings that accumulates commemorative practices. Becoming a part of the media field, a fragment of cultural memory can acquire a certain value, become famous, get a peculiar assessment and interpretation.

The presented typology of practices of urban commemoration and the revealed features of their representation in the urban environment are primary in nature and are an attempt to unite separate studies into a single continuum, thus creating the conditions for a comprehensive understanding of the mechanism of the city cultural memory formation.

References

1. Assmann, J. (2004) *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization. Writing, Remembrance, and Political Imagination]. Translated from German by M.M. Sokolskaya. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Erll, A. (2008) Cultural Memory Studies: An Introduction. In: Erll, A. & Nünning, A. (eds) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, New York: Walter de Gruyter. pp. 1–18.
3. Assmann, A. (2016) *Novoe nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy* [A New Discontent by the Memorial Culture]. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Assmann, A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Vol. 1. Tallinn: Aleksandra. pp. 200–202.
6. Romanovskaya, E.V. & Fomenko, N.L. (2015) Identity and commemoration. *Vlast'*. 7. pp. 81–84. (In Russian).
7. Nora, P. (1999) *Mezhdru pamyat'yu i istoriey. Problematika mest pamyati* [Between memory and history. The problems of places of memory]. In: Nora, P. et. al. *Frantsiya – pamyat'* [France-memory]. Translated from French. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 1–16.
8. Shub, M.L. (2016) *Sovremennyye kommmerativnyye praktiki: obrazovatel'nyy i vospitatel'nyy potentsial* [Contemporary commemorative practice: educational and training potential]. *Chelyabinskii gumanitarniy*. 3. pp.80–87.
9. Arkhipova, A., Doronin, D., Kirzyuk, A., Radchenko, D., Sokolova, A., Titkov, A. & Yugay, E. (2017) *Voyna kak prazdnik, prazdnik kak voyna: performativnaya kommmeratsiya Dnya Pobedy* [War as a holiday, holiday as war: performative commemoration of the Victory Day]. *Antropologicheskii forum – Forum for Anthropology and Culture*. 33. pp. 84–122.
10. Derrida, J. (2012) *Polya filosofii* [Margins of Philosophy]. Translated from French by D. Kralechkin. Moscow: Akademicheskii Proekt. pp. 349–375.
11. Assmann, J. (2011) Communicative and Cultural Memory. In: Meusburger, P., Heffernan, M. & Wunder, E. (eds) *Cultural Memories. The Geographical Point of View*. London, New York: Springer.

12. Fedotova, N.G. (2018) Symbolic capital of the place: notion, peculiarities of accumulation, research methods. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 29. pp.141–155. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/29/13

13. Nora, P. (1999) Era kommemoratsiy [Era of commemorations]. In: Nora, P. et. al. *Frantsiya – pamyat'* [France- memory]. Translated from French. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 64–94.

14. Luhmann, N. (2005) *Media kommunikatsii* [Media of Communications]. Translated from German. Moscow: Logos.

15. Castells, M. (2000) *Informatsionnaya epokha: Ekonomika, obshchestvo, kul'tura* [Information age: Economy, society, culture]. Translated from English by O.I. Shkaratan et al. Moscow: HSE.

16. Zierold, M. (2008) Memory and Media Cultures. In: Erll, A. & Nünning, A. (eds) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, New York: Walter de Gruyter. pp. 399–408.